

Золотая лихорадка

В 1827 году горным начальником Богословских заводов был назначен Ф. Ф. Бегер (до него начальниками заводов были Иван Леонтьевич Тетюев и Михаил Алексеевич Фереферов). Под начальством Федора Федоровича Бегера (1791-1861), начинавшего свою трудовую деятельность смотрителем Турьинских рудников и дослужившегося до горного начальника Пермских заводов, начало налаживаться горное хозяйство рудников, строились и ремонтировались здания и горные механизмы, ревизировались действующие и заброшенные рудники, велась разведка новых месторождений. О чем был получен лестный отзыв великого естествоиспытателя, географа и путешественника барона Александра Фридриха Вильгельма фон Гумбольдта, посетившего в 1829 году округ Богословских заводов и нашедшего «в положении горных пород много примечательного».

1829 год ознаменовался блестящими успехами золотодобычи. Открытие Атманским и Быковым «Царского ящика» дало основание Бегеру заявить: «Открытие это не только в округе Богословских заводов, но и по всему Уралу будет важнейшим». Попутно с поисками золота были открыты и платиновые россыпи, но время этого благородного металла еще не наступило. Была даже снаряжена (впрочем, окончившаяся неудачей) разведочная экспедиция для поиска алмазов.

«Золотая лихорадка» привела Бегера к провалу (с треском) плана выплавки меди в 1829 году. Но все в том же, «золотом» 1829-м, он был назначен горным начальником Колывано-Воскресенских заводов и отбыл на Алтай. Его ждало большое будущее: стать томским губернатором, директором Департамента горных и соляных дел Министерства финансов, членом Мануфактурного и Горного советов, членом Горного ученого комитета и генерал-лейтенантом.

В конце XIX века А. А. Ауэрбах установил зависимость падения медеплавильного производства от увеличения добычи золота: «Усиленная разработка золотых россыпей весьма дурно повлияла на медное дело, с развитием добычи золота выплавка меди стала сильно падать, начальствующие в Богословском округе лица увлеклись золотым делом в ущерб медному».

В 1829 году в управление заводами вступил Н. Гавеловский, еще более заболевший «золотой лихорадкой». Добыча желтого металла в 1830-33 годах возросла в 5 раз по сравнению с предыдущими годами и превышала 50 пудов в год. Это был наивысший уровень добычи золота за всю историю округа Богословских заводов.

Но все больше уходило рабочих с рудников на золотодобычу, в летнее время горные работы полностью останавливались, шахты затапливались, разведка запасов руд не производилась. В 1831 году помощник горного начальника М. И. Протасов донес до сведения уральского берг-инспектора о злоупотреблениях своего начальника. Результаты нагрянувшей в округ Богословских заводов ревизии в лице старшего советника Уральского горного правления Семена Михайловича Походяшина (внука

самого Максима Михайловича Походяшина) были не утешительны. Гавеловский, в управлении которого Богословские заводы «находились в самом напряженном состоянии», был снят.

Впрочем, «золотой лихорадкой» болели и высшие начальники: штабом Корпуса горных инженеров было объявлено, что Турьинские рудники истощились, и руд там осталось только на пять лет.

Назначение в 1833 году следующего начальника – обер-гиттенфервальтера (майора) Петра Ивановича Порозова – говорит само за себя: до того он работал управителем Миасскими золотыми промыслами.

Правильно разобравшись в положении дел округа, министр финансов главной причиной недоплавки и высокой себестоимости меди признал бесхозяйственность.

Поэтому на П. И. Порозова, «весьма сведущего, опытного и усердного чиновника», возлагались большие надежды. Порозов обревизировал запасы Турьинских рудников и пришел к выводу, что их хватит еще на многие годы, даже при беглом подсчете – на 10 лет. Особое внимание было уделено реконструкции механизмов: были отремонтированы подлесная, фроловская и першинская паровые машины, штанговые устройства Порозовской и Першинской шахт. Принесли плоды планомерные разведки: были открыты пласты «уважительного достоинства» в Воздвиженской и Першинской шахтах. Такого размаха восстановительные работы в округе никогда не производились. Все это сделано в условиях недостаточного (очень недостаточного) финансирования и укоренившегося мнения о бесперспективности медной металлургии. Порозову не удалось остановить сокращение выпуска меди, но себестоимость пуда меди он снизил просто фантастически – на 6,5 рубля! Оздоровив тем самым на десятилетия медное

производство, заложив тенденцию к дальнейшему его удешевлению.

На золотых приисках Порозов усовершенствовал «почти весь золотопромывальный механизм», запретил хищническую отработку богатых участков россыпей, сосредоточил «промывки» непосредственно на приисках, внедрил конно-железные дороги для перевозки песков и пустых пород, ввел строжайший учет, снизив этими мерами себестоимость добычи драгметалла более чем в два раза! В 1834 году Порозов изобрел промывальную машину, используя вместо грохота чугунную чашу с отверстиями, «в которой ходят горизонтальные грабли».

Впоследствии Петр Иванович Порозов (1793-1843) стал берг-инспектором Пермского горного правления и главным начальником горных заводов Уральского хребта.

Начатая в 1828 году купцом И. С. Верходановым разработка россыпного золота по рекам Сосьве и Лозьве (Верходановский, Черепановский, Иконниковский и Комаровский прииски) подстегнула и других екатеринбургских купцов и промышленников.

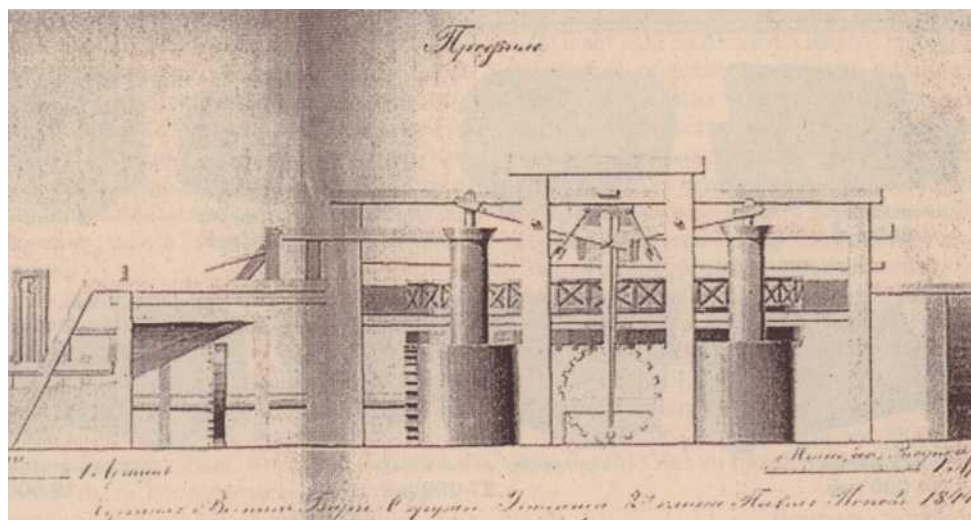
Но многие земли на Урале принадлежали казенным горнозаводским округам, а на свободных территориях добыча тоже была регламентирована еще со времен всесильного В. И. Геннина. В 1831 году в Екатеринбург из Перми переехало Горное правление заводов хребта Уральского, еще более ужесточившее горный надзор.

Тогда внимание золотопромышленников было обращено к Сибири. В марте 1831 года Яким Рязанов отправился в Томскую губернию... и быстро нажил капитал. За ним в Сибирь свои интересы перенесла династия Зотовых-Расторгуевых-Харитоновых. Разработкой россыпей занимались и сибирские промышленники Казанцев, Баландин, Н. Ф. Мясников (имел визитные карточки из чистого золота), династия Поповых, Г. Машаров (имел 20-фунтовую золотую «Гаврила Машаров – император всея тайги» и кличку «Таежный Наполеон»). Эта неорганизованная массовая добыча золота в Томской губернии получила название «Золотой лихорадки в Сибири».

Громко сказано. В сезон 1834 года на прииски Мариинской тайги было нанято 5927 человек. 4863 из них были ссыльнопоселенцами все той же Томской губернии, т. е. местными, остальные 1064 – тоже. Калифорнийская золотая лихорадка в 1848 году собрала 300 тысяч человек со всей Америки и даже Европы, лихорадка на реке Фрейзер в 1858 году – 30 тысяч, Клондайкская лихорадка в 1898 году – 40 тысяч.

Конечно, без криминала не обошлось и в Сибири: кутежи, карты, драки, воровство. А кутежи золотопромышленников в Екатеринбурге описал Д. Н. Мамин-Сибиряк в романе «Приваловские миллионы»: «С утра до ночи в приваловских палатах стоял пир горой, и в этом разливном море угощались званный и незванный... Словом, жизнь, не сдерживаемая более ничем, не знала середины и лилась через край широкой волной, захватывая все на своем пути. Но обыкновенной роскоши, обыкновенного мотовства этим неистовым детям природы было мало. Какой-то дикий разгул

овладел всеми: на целые десятки верст дорога устилается красным сукном, чтобы только проехать по ней пьяной компании на бешеных тройках; лошадей не только поят, но даже моют шампанским; бесчисленные гости располагаются как у себя дома, и их угощают целым гаремом из крепостных красавиц». Где здесь правда, где вымысел? Оставим на совести романиста. «Золотой век» Екатеринбурга ознаменовался не кутежами золотопромышленников, а небывалым до того строительством и благоустройством.

Золотопромывальная машина П. П. Аносова, 1844 г.

Ю. ГУНГЕР,
заведующий Федоровским геологическим музеем
МУ «Красноурьинский краеведческий музей».

Гунгер, Ю. Золотая лихорадка : [золотодобыча в Богословском округе в 20-30-е годы XIX века] / Ю. Гунгер // Заря Урала. – 2012. – 14 июня (№ 73). – С. 5 : фот.